

По возвращении в Версаль, Луи первым делом вошёл в кабинет Людовика XVI.

Но войдя, он впервые увидел, что его отец не изучает замки в своё свободное время, а хмурится и о чем-то думает.

Луи обратился к Людовику и прервал его размышления.

«Мой дорогой сын, ты вернулся». — воскликнул Людовик, разглаживая нахмуренные брови.

«Почему ты тайком отправился в Париж без сопровождения?». — он сказал это немного более сердито, вспомнив внезапный уход своего сына.

«Прости, отец, я просто хотел посмотреть, какой сейчас Париж». — Луи ответил спокойно.

«И что же ты думаешь о Париже». — сузив глаза спросил Людовик.

«Честно говоря, ситуация ужасная, граждане голодают, чиновники не заботятся об этом, а думают только о своих интересах. А дворяне и духовенство по-прежнему пьяны, и благонамеренные люди разжигают недовольство масс и пытаются нажиться на нем. В частности, они пытаются настроить народ лично против тебя». — Луи ответил категорично.

«Против меня, почему?». — Людовик был поражен.

«Я отец всего народа, как может народ так поступать со своим королем». — сказал Людовик XVI, немного взволнованный.

«Даже Богу приходится наполнять животы верующих пятью хлебами и двумя рыбами, где же твои пять хлебов и две рыбы, отец?». — Луи сказал, по-прежнему без эмоций.

Слыша это, Людовик замолчал, а затем пробормотал: «Неужели честь семьи Бурбонов погибнет от моих рук?».

«Отец еще не время для отчаяния, не надо быть таким пессимистом». — Луи сказал это успокаивающе.

«Есть ли какое-то решение?». — Людовик с надеждой смотрел на своего сына.

«У меня есть план, но он потребует целого состояния». — Луи тут же ответил: «Сколько денег сейчас в распоряжении казны?».

«Около 50 000 золотых ливров».

Золотой ливр был равен 24 серебряным ливрам, или 1,2 миллионам франков. Ежемесячное жалование полка гвардейцев составляло около 12 000 франков. Трехмесячное жалование составляло всего 1 500 золотых ливров. Луи думал, что этого будет достаточно.

«Что ты хочешь сделать с деньгами?».

«Отец, либеральные дворяне во главе с герцогом Орлеанским сейчас подстрекают горожан против тебя по всему Парижу газетами и памфлетами, мы должны дать им отпор».

«Дать отпор? Как именно?». — Людовик хотел знать больше.

«Поступить с другими так, как они поступают с тобой». — Луи небрежно ответил: «Мы должны также заставить некоторых людей писать памфлеты и газеты, чтобы словесно нападать на герцога Орлеанского».

В этот момент Луи вдруг вспомнил о Бастилии: «Отец, сколько человек содержится в Бастилии?».

«Маркиз Делонэ несколько раз сообщал, что тюрьма переполнена».

«Тогда отправь заключенных в другие тюрьмы, у Бастилии плохая репутация как тюрьмы для политических заключенных». — Луи предложил.

«Это возможно, но зачем делать это сейчас?». — Людовик XVI колебался.

«Я хотел бы просить тебя, отец, издать королевский указ об освобождении Бастилии, который будет объявлен завтра на Национальном учредительном собрании, в знак доброй воли, которую ты отпускаешь Учредительному собранию. Нам нужно, чтобы Учредительное собрание ослабило бдительность, тогда у нас будет хоть какой-то шанс спасти Королевство».

После долгих уговоров Людовик XVI наконец подписал декрет об переводе заключенных Бастилии и передал Луи указ о наблюдении за переводом узников Бастилии.

После выхода из кабинета короля, Луи нашёл Германа.

«Мне нужна ваша помощь».

«По приказу Вашего Величества я сделаю все».

Луи оглядел произведения искусства вдоль коридора и заявил: «Мне нужно, чтобы вы обменяли все картины Версаля на деньги».

«Но Его Величество не допустит такого!». — Герман был потрясен словами Луи.

«50 000 золотых ливров не спасут Францию». — тихо сказал Луи: «Не волнуйтесь, картины будут находиться в руках людей лишь некоторое время».

«Но... но что, если король узнает о продаже картин?».

«Просто скажите королю, чтобы они проходят реставрацию, или достаньте несколько никчемных картин и поставьте их тут».

Наконец, Германа уступил давнему убеждению своей семьи служить королевской семье и согласился сделать то, что сказал Луи.

«Помните, что все произведения искусства могут быть проданы, кроме трех в коллекции — Венеры Милосской, Моны Лизы и Самофракийской победы. Продайте остальные произведения искусства, не заботьтесь о цене, только получите деньги. И они должны быть проданы в течение недели. Не на имя суда, а на свое имя, желательно так, чтобы другие думали, что вы сами крадете и продаете эти произведения искусства».

«Это... я... я бы не посмел...». — Герман начал потеть.

Луи посмотрел на бедного Германа и наконец сказал: «Не волнуйтесь, я не позволю вам взять вину на себя».

Потребовалось много разговоров. В конце концов Луи убедил Германа, и в его глазах вид уходящего Германа показался намного старше, причём он почему-то начал сутулиться.

Это был всего лишь вопрос продажи нескольких произведений искусства, но какой удар!

Луи подумал: «Я нахожусь на грани гильотины и даже не настолько подавлен, как он».

Он начал сокрушаться по поводу психического здоровья французов в XVIII веке.

Луи не сразу направился в свою спальню, сперва он пошел в свой кабинет.

Десятилетний Альфред, еще один камердинер Луи, находился в его кабинете.

После того, как в тот день Луи предложил три статьи, он отправил Альфреда наблюдать за Национальным собранием и записывать все произнесенные речи.

Изучая составленные речи Альфреда, Луи обнаружил, что его камердинер проделал удивительно хорошую работу. Все выступления были записаны полностью, и они были написаны четко.

«Ты записал всё?». — Луи посмотрел на протокол и спросил.

«Да, Ваше Высочество». — ответил Альфред.

«Молодец». — Луи поднял глаза на Альфреда, а затем снова опустил их на протокол собрания.

Протоколы состояли из двух или тридцати страниц, и пока Луи просматривал их, Альфред спокойно стоял в стороне. Только когда свет свечи померк, Альфред взял ножницы у свечи и вырезал слишком длинные фитили.

Зачитав их все, Луи убрал бумаги: «Альфред, расскажи, что ты слышали сегодня на собрании».

Луи хотел проверить своего камердинера.

Альфред начал пересказывать то, что он услышал на собрании.

Первым делом Национальное собрание обсудило вопрос о создании французской ежедневной газеты, и было решено учредить должность парламентского уполномоченного по цензуре прессы, который должен был стать членом парламента от Западного траура.

Затем состоялись выборы членов Национального учредительного собрания, число депутатов которого было установлено на уровне в 754 человек. Распределение депутатов основывалось на трех пропорциях: географической, демографической и прямых налогов.

Право на гражданство предоставлялось мужчинам, достигшим 25-летнего возраста, и делилось на активных и пассивных граждан в зависимости от размера их имущества. Право голоса имеют только активные граждане.

В полномочия Национального учредительного собрания входит предложение и принятие законов и определение государственных расходов; создание налогов, определение их характера, размера, периода и способа их сбора; распределение прямых налогов между графствами королевства и контроль за использованием всех государственных доходов и

информирование об их состоянии.

При обсуждении системы кабинета премьер-министра высшая исполнительная власть принадлежит исключительно королю. Король является верховным главой всей исполнительной власти королевства; он является верховным главой армии и флота.

В свою очередь, на премьер-министра король возлагает исполнение высшей исполнительной власти; на премьер-министра также возлагается обязанность следить за поддержанием порядка и общественного спокойствия. А на Короля возложена ответственность за внешнюю безопасность Королевства и поддержание его прав и владений.

Луи рассмеялся. Буржуазия была действительно реакционной, она хотела отменить неравенство по признаку рождения и закрепить неравенство по признаку собственности.

«Альфред — хороший секретарь». — подумал Луи подумал.

Альфред также сообщил, что завтра парламент будет голосовать по трем законопроектам.

<http://tl.rulate.ru/book/71880/2024304>